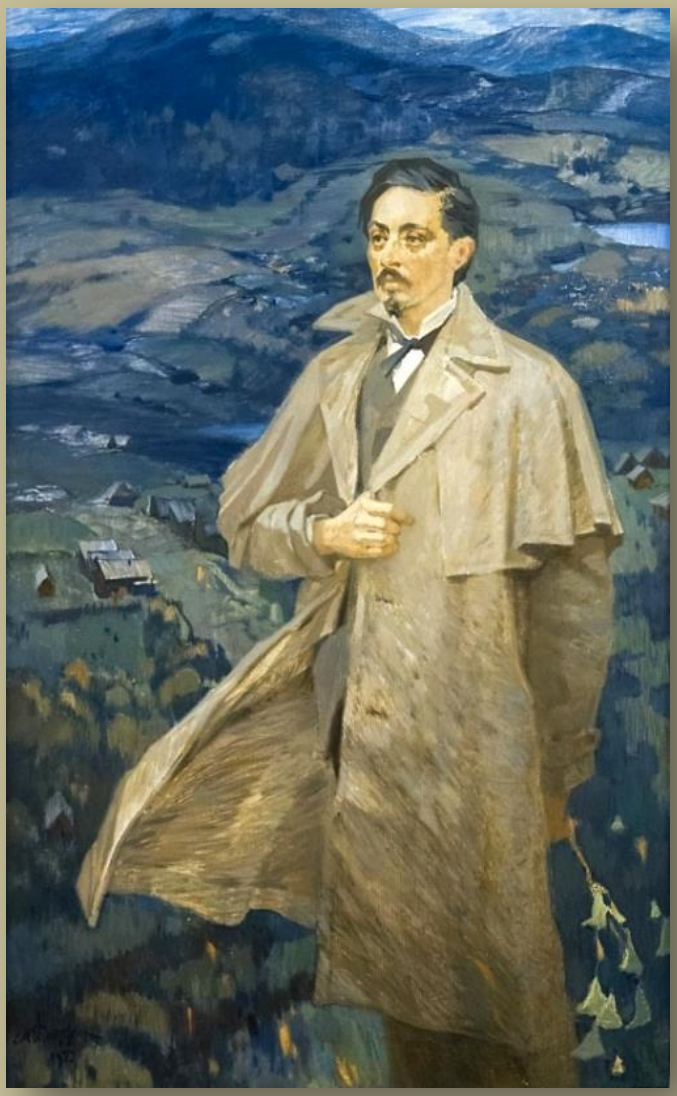


Оптимистичный писатель своего времени

Министерство культуры Свердловской области
Свердловская областная межнациональная библиотека

ОПТИМИСТИЧНЫЙ ПИСАТЕЛЬ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Екатеринбург
2022

83. 3(2)
О-60

О-60

Оптимистичный писатель своего времени / Министерство культуры Свердловской области ; Свердловская областная межнациональная библиотека ; составитель: О. И. Калинина. – Екатеринбург: СОМБ, 2022. – 61 с. : ил. – Текст: электронный.

ББК 83. 3(2)

© ГБУК СО СОМБ, 2022

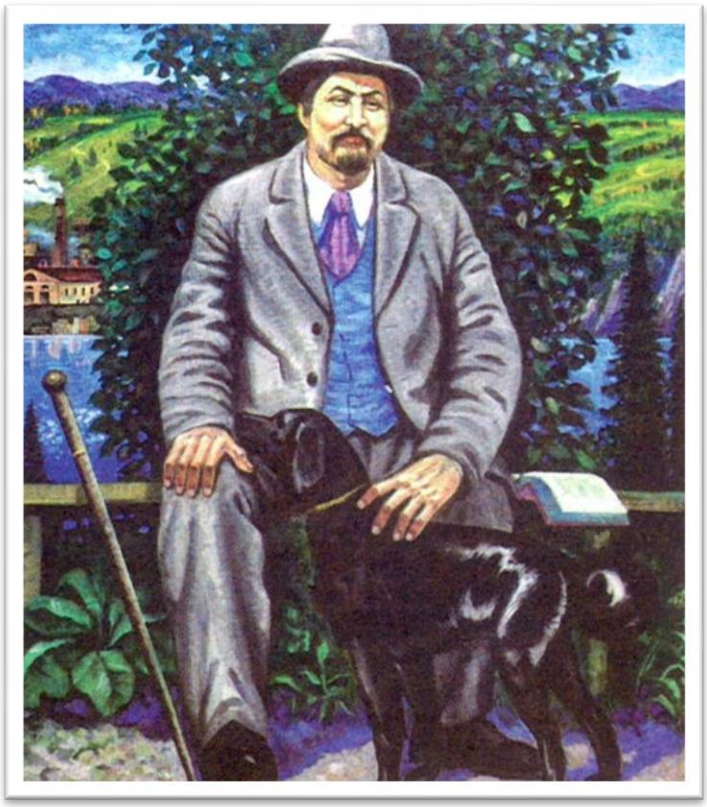
СОДЕРЖАНИЕ

«ОН БЫЛ КАК ОБЛОМОК ЯШМЫ…» 4
ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ 15
«ПЕВЕЦ УРАЛА» 21
ЖИЗНЬ НА ПЕРЕЛОМЕ 25
«СЧАСТЬЕ ПИСАТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ» 31
ИНТЕРЕСНЫЕ ФАКТЫ 34
ЛЕГЕНДЫ И СВЯТОЧНЫЕ РАССКАЗЫ 42
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 59
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ 60

«ОН БЫЛ КАК ОБЛОМОК ЯШМЫ…»

«Мамин был уральский человек. Кряжистый, словно сколоченный, сильный и смелый человек. Он был весь полностью от Урала, обликом, ухваткой, чувствованием, думанием. Он был породистый, сильный человек, цельный и целостный, неломкий, негибкий, негнущийся. Он был как обломок яшмы, красивой, узорчатой яшмы, занесённый далеко от родных гор»

С. Я. Елпатьевский



По воспоминаниям друзей, писатель был среднего роста, но крепкого телосложения, обаятельный, с красивыми черными глазами, с неизменной трубкой.

Несмотря на вспыльчивость, он отличался добротой и общительностью, слыл прекрасным рассказчиком, часто являлся душой компании. При этом не терпел несправедливости, был прямым, цельным человеком, не умел лгать и притворяться. Как всякого хорошего человека, «его любили старики, дети и не боялись животные». Колоритная фигура Мамина-Сибиряка была так заметна, что сам Илья Репин писал с него одного из запорожцев для своей знаменитой картины. Рослый, широкоплечий, с открытым лицом и «чу́дными, немного задумчивыми глазами», он выделялся в любой толпе. А его «непринуждённая грация молодого, дрессированного на свободе медведя» только усиливала общее впечатление какой-то завораживающей дикой силы. Характер Мамина был под стать внешности. Такой же необузданный, вспыльчивый. Его резкие суждения, его полновесные остроты, его суровые оценки нередко задевали людей, рождая недоброжелателей. Но чаще Дмитрию Наркисовичу прощалось то, что не простилось бы кому-то другому. Так велико было обаяние этого большого, сильного, но в чём-то очень незащищённого и трогательного человека.

Его доброта и мягкость открывались не сразу и не всем. Хотя даже псевдоним, накрепко сросшийся с фамилией, – «Мамин-Сибиряк» – звучал как-то тепло, по-домашнему.

Великий писатель, талантливый литератор, человек, который всегда умел не только чувствовать окружающую жизнь, но и переносить свои впечатления на бумагу, облекая их в прекрасные и в то же время доступные для понимания слова – это всё Мамин-Сибиряк.

Самобытный художественный талант Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка высоко ценили А. П. Чехов, И. А. Бунин, А. И. Куприн. М. Горький ставил в заслугу писателю открытие целой области русской жизни, ранее неизвестной русскому читателю.

А. П. ЧЕХОВ

На фото: Чехов А. П, Мамин-Сибиряк Д. Н. (1890)

«Мамин-Сибиряк очень симпатичный малый и прекрасный писатель. Хвалят его последний роман «Хлеб» (в «Русской мысли»); особенно в восторге был Лесков.

У него положительно прекрасные вещи, а народ в его наиболее удачных рассказах изображается нисколько не хуже, чем в «Хозяине и работнике» (рассказ принадлежит Толстому).

«Там, на Урале, должно быть все такие: сколько бы их не толкли в ступе, а они все – зерно, а не мука!». А. П. Чехов

И. А. БУНИН

«Д. Н. Мамин-Сибиряк – оригинальный, самобытный талант, чрезвычайно умный, с оттенком скептицизма. В то же время замечательно нежной души человек.

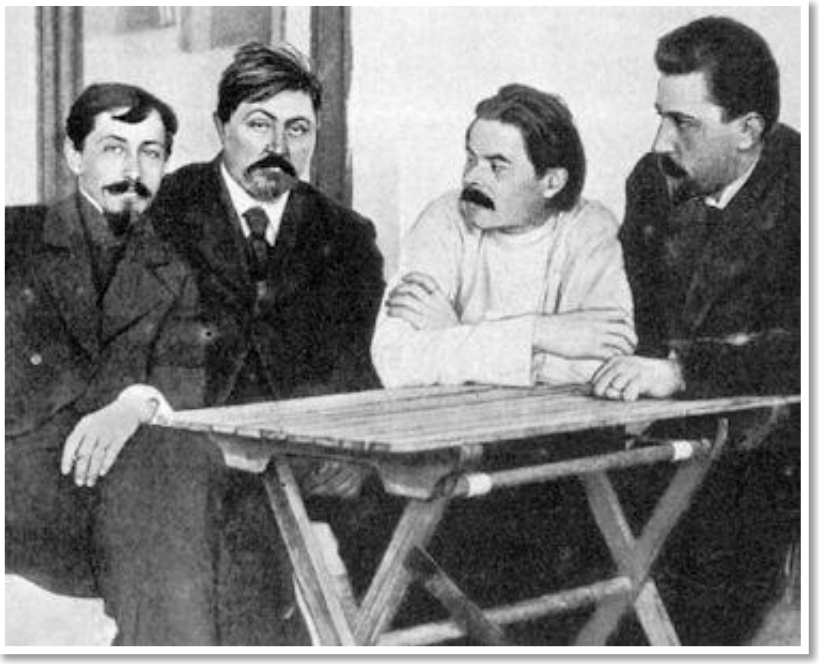
Встречались мы с ним в редакции «Мира божьего», а еще раньше в редакции народнического журнала «Новое слово».

Он отличался удивительно красивой внешностью: здоровый, крепкий, так что теперь – то было не так давно – мне странно читать, что у него «седая голова на исхудалой шее»…Крупный талант, не использовавший до конца своих сил, не сказавший своего последнего слова!» И. Бунин

На фото: А. М. Горький, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. Д. Телешов, И. А. Бунин. Ялта, 1902 г.

М. ГОРЬКИЙ

М. Горький ставил в заслугу писателю открытие целой области русской жизни, ранее неизвестной русскому читателю. «Ваши книги, – писал Горький, – помогли понять и полюбить русский народ, русский язык. Когда писатель глубоко чувствует кровную связь с народом – это дает красоту и силу ему».



На фото: И. А. Бунин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, М. Горький, Н. Д. Телешов

Отдельные произведения из сборника «Уральские рассказы» и сборник в целом вызвали высокоположительные оценки М. Горького. «Мамина – прочитал почти всего, – писал он К. П. Пятницкому. – Хороший, интересный писатель». «Очень хороши его сибирские и уральские вещи…»

Положительно отозвался М. Горький о рассказе «Башка». «Башка» – один из лучших рассказов Мамина, – писал он. – Это вещь, написанная a la Брет Гарт о людях «бывших». Один из героев – бывший семинарист, другой – бывший гимназист, героиня – бывшая актриса. Герои – золоторотцы, героиня – пр. . . Описана, колоритным языком автора, кабацкая жизнь, трущобные нравы. Рассказ производит сильное впечатление, еще раз доказывая, что иногда и грязь не мешает человеку блестеть алмазами духовной красоты».

А. И. КУПРИН

Первая встреча Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. И. Куприна относится к 1901–1902 гг. в редакции ж. «Русское богатство». Впоследствии писателей связывало близкое знакомство, они приходились друг другу свояками: писатели были женаты на сестрах Гейнрих.

Мамины и Куприны вместе проводили лето в Крыму, в Балаклаве. Они поддерживали многолетние дружеские отношения. В 1912г. Куприн входил в состав юбилейного комитета по проведению чествования Мамина-Сибиряка в связи с 40-летием его литературной деятельности.

Куприн говорил о Мамине-Сибиряке: «Его талант – громадная скала».

Куприн высоко оценивал сказки Мамина-Сибиряка в развитии детской литературы: «Эти сказки – стихотворения в прозе, художественнее Тургеневских».

В письме в к И. Г. Остроумову он говорит: «У Мамина лица все живы, очерчены, верно, и сильно, точно высечены из уральского камня: грубовато, но крепко и талантливо».

И. Е. РЕПИН

«Бесценным для Дмитрия Наркисовича и Марии Морицевны стало знакомство с Ильёй Ефимовичем Репиным. Но таким ли уж бесценным? Сегодня исследователи и искусствоведы заметили роковую деталь в жизни художника: многие, кто позировал ему, рано умирали. Но тогда об этом никто не думал, имя Репина было на слуху. И позировать ему было принято и приятно. Художник давно уже волновал писателя своими картинами. Мамин восхищался Репиным. Встреча их произошла в писательском доме (не установлено у кого). На обед были приглашены Дмитрий Наркисович с Марией Морицевной.

Среди гостей оказался и художник Репин.

– Вот вы какой, – здороваясь за руку с Маминым сказал Репин. – Хороши! Молодец мужчина! Чувствуется уральская кровь.

На званом обеде Илья Ефимович всё присматривался к писателю. В его цепком взгляде сквозила уже какая-то мысль. Художник понял сразу, что Мамин как раз тот тип героя, которого ему так не хватало для его картины. Он намеренно оказался рядом с писателем за столом, и между ними завязалась беседа.

Илья Ефимович над созданием картины работал не один год. Репин упорно зазывал к себе в гости Мамина-Сибиряка. Репин попросил Мамина-Сибиряка посидеть в мастерской всего лишь полчаса. Ему хотелось с писателя сделать набросок одного из запорожцев, очень нужен был оригинальный профиль уральца. Художника особенно впечатлили умные, яркие глаза писателя. Они и на картине выделяются своей ясностью. Репин перенёс на холст самое главное, ухватил самые нужные детали.

1891

1893

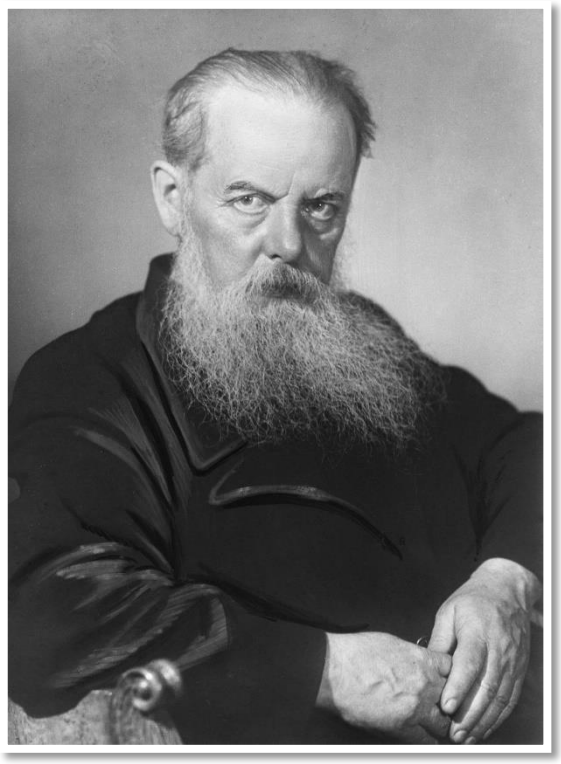
В 1892 году в Историческом музее (тогда – Императорский Российский музей) была персональная выставка художника. Большим успехом пользовалась его картина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (1891). Но на этой картине Мамина нет.

Он появился на другой картине, 1893 года: в пол-оборота, лицо – в профиль, глаза живые – это Мамин.

«Репин рисовал с меня для своей будущей картины целых два часа. Ему нужно было позаимствовать мои глаза для одного, а для другого – веко глаз, и для третьего запорожца поправить нос».

Д. Н. Мамин-Сибиряк

П. П. БАЖОВ



«А ведь Мамин-то художник, да еще какой» П. П. Бажов

П. П. Бажов высоко оценивал язык произведений Д. Мамина-Сибиряка, считая его колоритным, образно выразительным. «Я изучал Урал его времени по Мамину».

В 1940-х годах уральский сказитель был среди организаторов научных конференций, посвященных жизни и творчеству Дмитрия Мамина-Сибиряка. А летом 1950 года под руководством Бажова началась подготовка к 100-летию со дня рождения Мамина-Сибиряка.

Многое сближало, но вместе с тем разделяло Мамина-Сибиряка и Бажова в художественной интерпретации истории Урала. Оба с величайшим уважением относились к «первонасельникам» края – манси, марийцам, башкирам, обитавшим на Среднем и Южном Урале с древнейших времен, задолго до появления русских. История, быт и фольклор башкир и сибирских татар – потомков хана Кучума давали Мамину материал для рассказов «Ак-Бозат» и «Клад Кучума», легенд «Майя» и «Лебедь Хантыгая». Бажов эрудирован, когда рассказывает о «чуди» (манси, марийцах) в очерке 1925 года «Старинные жители Урала», а в середине 30-х в первом из своих сказов – «Дорогое имячко». Красочные эпические сказания башкир о богатырях и красавицах составили основу чудесного бажовского сказа о всепобеждающей любви – «Золотой Волос». Певцы Урала, они обращались к одним и тем же «судьбоносным» событиям в ис-

тории Урала: это сибирский поход под предводительством отважного атамана Ермака, строительство и развитие Екатеринбурга.

С Маминым-Сибиряком Бажова сближает пристальный интерес к истории Екатеринбурга. Есть основания полагать, что последнее крупное произведение Бажова – мемуарно-биографическая повесть «Дальнее – близкое» (Из воспоминаний о нашем городе, 1949) – создавалось Бажовым как прямое продолжение очерка М амина-Сибиряка «Город Екатеринбург» (1889). Бажов фиксирует те явления из экономической и культурной жизни города, которые не вошли в очерк Мамина. Оба писателя хорошо представляли особую роль Екатеринбурга как одного из центров металлургической промышленности России. Размышления Бажова о Мамине и Екатеринбурге передает в своих воспоминаниях И. А. Дергачев, причем в стилистике, близкой к бажовской речи: «Мы узнаем у Мамина об историческом прошлом Урала больше, чем накопила об этом историческая наука.

Вот, например, Екатеринбург. Истории нашего города, надо сказать, мы совсем не знаем. А это был единственный город, являющийся центром русской металлургии, промышленной базой нашего государства. У Мамина это отражено. Он хорошо понимал это, когда всячески и несправедливо бранил Пермь, называл ее городом Моховым, а Екатеринбург Узлом. Было у него ощущение громадного значения города горного Урала для страны, для развития народа, как организатора рабочего труда».

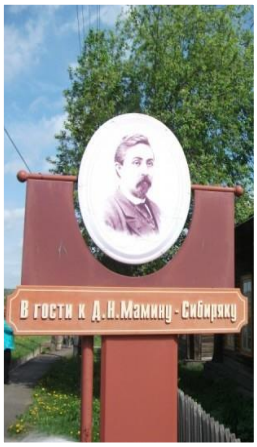
Бажов знал, как горячо любил Мамин свои «милые зеленые горы», любил детей, верил в добрые начала человеческой души и стремился уловить жизнь «во всех красках». Автор «Малахитовой шкатулки» резко полемизировал с М. Неведомским, который находил «начала пессимизма» не только в творчестве, но и в самой личности Мамина-Сибиряка: «Неиспользованная сила – вот два грустных слова, которые всегда просились у меня на язык при мысли об этом крупном художнике. Неиспользованная русской жизнью, русской культурой и в связи с этим и благодаря этому – и самим обладателем силы, самим Маминым… ».

Убедительнее звучит метафорически выраженная логика Бажова: «певец Урала» не мог быть пессимистом; Бажову ближе жизнеутверждающий, гуманистический пафос тех слов, которые принадлежат повествователю из романа «Черты из жизни Пепко»: «Жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердец – вот где настоящая жизнь и настоящее счастье».

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

«... В некотором роде каждый из нас является живым итогом всех своих предков», – писал Д. Н. Мамин-Сибиряк в своем произведении «Голос крови».

6 ноября (25 октября) 1852 года родился Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (настоящая фамилия – Мамин) – великий русский прозаик и драматург. Дом Маминых был необыкновенным. Его окна с одной стороны выходили в Европу, а с другой – в Азию. «Милые зеленые горы» никогда не забывал писатель.



Дмитрий Наркисович Мамин родился в поселке Висим (Висимо-Шайтанский завод, принадлежавший Демидовым), в 40 километрах от Нижнего Тагила, что на границе Европы и Азии.

Отец будущего писателя – потомственный священник. Семья большая (четверо детей), дружная, трудовая («без работы я не видел ни отца, ни матери»), читающая.

«Это наши лучшие друзья, – говорил отец, указывая на книги. – И какие дорогие друзья... Только подумать, сколько нужно ума, таланта и знаний, чтобы написать книгу. Потом ее нужно издать, потом она должна сделать далекий-далекий путь, пока попадет к нам на Урал. Каждая книга пройдет через тысячи рук, прежде чем станет на полку нашего шкафа».

В семье была большая библиотека: выписывали из Петербурга журналы, книги. Мать любила читать детям вслух. Любимой книгой Дмитрия в детстве была «Детские годы Багрова-внука» (Аксаков).

«В нашем доме книга играла главную роль, – вспоминал писатель, – и отец пользовался каждой свободной минутой, чтобы заняться чтением».

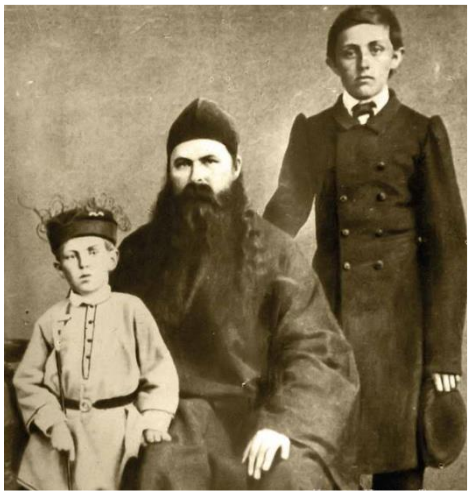
Д. Н. Мамин-Сибиряк

О своем раннем детстве и о родителях писатель говорил: «Не было ни одного горького воспоминания, ни одного детского упрека».

Сохранились сотни удивительных писем Дмитрия Наркисовича к родителям, где он пишет «Мама» и «Папа» всегда с большой буквы. Но пришла пора учиться всерьез, а денег на гимназию у небогатого священника Мамина не было. Дмитрия и его старшего брата Николая увезли в Екатеринбургское духовное училище (бурсу), где когда-то учился их отец. Это было тяжелое время для Мити. Он считал годы в бурсе потерянными и даже вредными: «. . . училище не дало ничего моему уму, не прочитал ни одной книги. . . и не приобрел никаких знаний».

После духовного училища сыну священника был прямой путь в Пермскую духовную семинарию. Там у Дмитрия Мамина началась первая литературная работа. Но ему было «тесно» в семинарии, и курса будущий писатель не окончил. В 1872 году Мамин поступил на ветеринарное отделение Петербургской медико-хирургической академии. В 1876 году, не окончив ака-

демии, перешёл на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Учиться ему было крайне трудно, отец не мог посылать денег. Студент часто голодал, был плохо одет. Дмитрий зарабатывал себе на хлеб тем, что писал в газеты. А тут еще и тяжелая болезнь – туберкулез. Пришлось бросить учебу и вернуться домой на Урал (1878 год), но уже в город Нижняя Салда, куда переехала его семья. Скоро умирает отец. Все заботы о семье берет на себя Дмитрий.



На фото: Наркис Мамин с сыновьями Дмитрием (справа) и Владимиром, 1868 год

Своим отцом Дмитрий восхищался, гордился и всю жизнь старался быть на него похожим в делах и поступках.

«Как сейчас вижу отца, одетого в черную рясу из тяжелого драпа, с широкополой, черной шляпой на голове. Он был высок ростом, широк в плечах, а костюм делал его еще массивнее. Как сегодня вижу его бледное лицо, строгое и доброе, с серыми, добрыми глазами и большой, окладистой русой бородой, придававшей ему какой-то особенно патриархальный вид. Для меня лично слово «отец» связано с представлением именно такого отца, сильного, ласкового, доброго и всегда серьезного», – так писал Дмитрий Наркисович в своих воспоминаниях «Из далекого прошлого».

Между отцом и сыном всегда были доверительные отношения. Наркис Матвеевич в письмах утешал и поддерживал сына-студента, когда тот терпел академические неудачи. Дмитрий Мамин учился на ветеринарном отделении Петербургской медико-хирургической академии. В 1874 году он остался на второй год. «Не огорчайся, наш дорогой, – писал отец сыну, – если еще год пропадет». Советовал глава семьи столичному студенту серьезно отнестись и к писательскому труду. Сам Наркис Матвеевич был литературно одаренным человеком. В его дневнике встречаются записи о чувстве любви к молодой жене, о горести разлуки, полные подлинной экспрессии и глубины.

Еще весной 1874 года Дмитрий Мамин в письмах к отцу поделился сокровенной мечтой о литературном труде. Наркис Матвеевич в ответных письмах не отвергал этого увлечения сына, но одновременно с этим старался и предостеречь его от соблазнов и легких побед. Он писал о необходимости серьезной подготовки, длительного труда, для того, чтобы человек мог вступить на путь писательства. «Без этих же необходимых условий лучше не совать суконного рыла в калашный ряд, если не хочешь отдать себя людям на посмеяние и поругание».

Дмитрий Наркисович рассказывал в письмах к отцу и о своих первых репортерских шагах. Он начал публиковать свои отчеты о заседаниях научных обществ в петербургских газетах еще осенью 1874 года. Получал за них новоиспеченный репортер копеечные гонорары, но и этому он был рад. Радовался за своего сына и Наркис Матвеевич. 2 января 1875 года он писал в Петербург: «Нам очень приятно за хороший выбор, сделанный тобой в репортерстве».

Дмитрий Наркисович запечатлел своего отца в произведениях: «Из далекого прошлого», «Семья и школа» и «Последняя треба».

«Моя мать была такого же типа женщина, но она казалась мне более строгой, чем отец, – на ее долю выпадало слишком много мелких будничных забот, и к вечеру, управившись с дневной работой, она была «рада месту», то есть отдыхала за новой работой, как бесконечное шитье. Без работы я не видал ни отца, ни матери», – вспоминал Дмитрий Наркисович.

В архивах хранятся около 450 писем, написанных им матери в разные годы. Конверты подписаны: «Екатеринбург (Пермской губернии), Ее Высокоблагородию Анне Семеновне Маминой».

Всю жизнь он писал слово «Мама» только с заглавной буквы. В день своего сорокалетия, 25 октября 1892 года, Дмитрий Наркисович напишет матери из Петербурга: «Дорогая Мама, уношусь сегодня в далекие воспоминания своего детства и ранней юности и благословляю то гнездо, из которого я вылетел. Я никогда его не забывал и никогда не был дурным сыном.

(…) Бесконечно благодарен, Мама, тебе и покойному Папе за то воспитание, которое я получил, за ту обстановку, простую, трезвую, трудящуюся, честную, в которой я вырос».

«Мать моя по характеру походила на отца, – писал Дмитрий Наркисович в своих воспоминаниях «Семья и школа». У нее были большие карие глаза, которые и я получил по наследству. Ее выпуклый лоб оттенялся густыми каштановыми волосами, всегда гладко причесанными. Эти волосы были так густы, что мать не раз отрезывала целые косы в видах экономии времени, уходившего на нас и на хозяйство».

Из ее дневника: «Не знаю, что из Мити получится, но воображение у него богатое. Он очень любит слушать сказки. Сравниваю обоих сыновей – какая разница. У Мити натура более романтическая, чем у Коли. Он бойчее брата, хотя и слабее физически».

«Сколько у меня страху за настоящее и будущее наших детей, будут ли они людьми честными, трудолюбивыми, воздержанными, полезными для других?. . », – писала Анна Семеновна в своей заветной тетрадочке, отправляя сыновей на учебу в Екатеринбург. Не зря трепетало материнское сердце. В Екатеринбургском духовном училище и сломался ее первенец Никола, а ее Митя, бедный Митя, переболел здесь даже тифом.

Дмитрий Наркисович помнил свою мать сидящей в свободное время за рукоделием или за чтением книг. Она многие произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова до глубокой старости знала наизусть. Так интересно было с ней говорить, так она сведуща была даже в истории русской литературы, что совершенно не походила на ту пресловутую «деревенскую попадью».

Анна Семеновна была рада каждому новому произведению сына и очень переживала из-за какой-нибудь нелицеприятной, критической статьи. Из письма Д. Н. Мамина-Сибиряка матери от 15 декабря 1896 года: «Лиза писала, что ты огорчена фельетоном в «Биржевых ведомостях». Не стоит не только огорчаться, но и просто обращать внимание на такие пустяки. Поверь, что никакая критика не прибавила еще никому ни вершка роста и не убавила».

Дмитрий Наркисович боготворил свою мать. Она была для него непререкаемым авторитетом. Каждое слово ее было для него законом. Взрослый мужчина, известный писатель, он подчинялся ей, как мальчишка. Двух дней не мог прожить без того, чтобы с ней не повидаться. Много говорил о своих работах, о своих планах, надеждах. С матерью он всегда был неизменно нежен, почтителен, покорен. Лучшего сына трудно себе было и представить!

А. С. Мамина умерла 21 марта 1910 года, в возрасте 79 лет. Она жила в постоянных хлопотах и заботах своих детей и внуков, гордилась ими и была, наверное, по-настоящему счастливой женщиной.

Дмитрий Наркисович позднее напишет племяннику Борису о ней: «Ты, конечно, целую жизнь будешь помнить о любящем крыле бабушки и расскажешь своим детям, какие русские женщины бывают и какими они должны быть».

Матери писатель посвятил произведения: «Из далекого прошлого», «Счастливая мать», «Отъезд», «Семья и школа» и др. (Рамзия Галеева **«Листая семейную книгу Маминых» (отрывок)** Опубликовано в журнале «Урал«, № 11, 2002)

«ПЕВЕЦ УРАЛА»

Писатель с детских лет полюбил великолепную уральскую природу и всегда вспоминал ее с любовью: «Когда мне делается грустно, я уношусь мыслью в родные зеленые горы, мне начинает казаться, что и небо там выше и яснее, и люди такие добрые, и сам я делаюсь лучше». Так писал Мамин-Сибиряк, находясь вдали от родного Висима. Мамин-Сибиряк замечательно описал суровую и величественную природу Урала: горные склоны, таежную лесную глушь, бескрайнюю ширь подернутых дымкой степей, стремительный бег горных рек, ледоход на реке Чусовой.

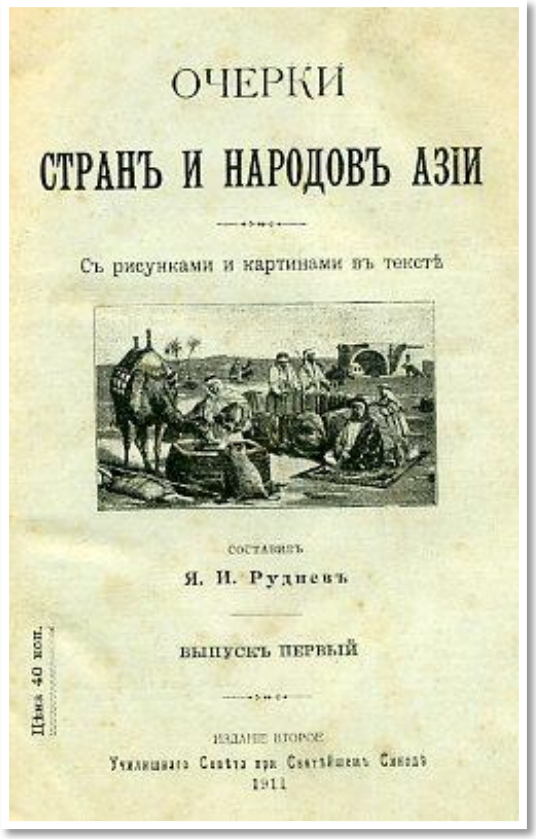
Писатель говорил, что он учился изображать природу у великих русских художников-пейзажистов: Шишкина, Саврасова, Куинджи и Левитана.

В описаниях природы Мамин-Сибиряк часто пользовался особым художественным приемом. В его произведениях природа как бы оживает и рассказывает сама о себе. Задремавшему охотнику вдруг слышится в журчании горной речки и шелесте степных трав рассказ о жизни растений (рассказ «На пути»). Из

поэтической «Лесной сказки» читатель узнает о жизни леса, о том, как на зарастающей лесной вырубке борются между собой лиственные и хвойные деревья. В сказке «Зеленая война» живо и образно показана борьба между огородными растениями и сорняками.

Звери и птицы тоже рассуждают подобно людям. Так ожили и заговорили по-человечьи домашние животные в рассказах «Упрямый козел» и «Постойко».

Книги Мамина-Сибиряка богаты познавательными сведениями. Он рассказал детям о производстве чугуна и железа на старых уральских заводах, о добыче золота и платины на приисках Урала и Сибири, показал обработку драгоценных камней в кустарных мастерских, работу лесных углежогов; в его произведениях много научных наблюдений о жизни животных и растений.


ОЧЕРКИ
СТРАНЪ И НАРОДОВЪ АЗІИ
Съ рисунками и картинами въ текстѣ
составилъ
Я. И. Рудневъ
ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ
Цѣна 40 коп.
ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ
Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ
1911

Свои первые журналистские работы будущий «классик» подписывал Д. Сибиряк. В те времена всё, что находилось за Уральским хребтом, называлось Сибирью. Романы он стал подписывать двойной фамилией Мамин-Сибиряк. Сейчас он назвал бы себя Маминым-Уральцем.

Признание пришло к писателю далеко не сразу. 9 лет он посылал в разные редакции свои произведения и всегда получал отказ. Лишь в 1881-1882 годах в московской газете «Русские ведомости» была напечатана серия очерков Д. Сибиряка «от Урала до Москвы». Талантливого провинциала заметили не издатели, а журналисты-радикалы.

В петербургском подцензурном журнале «Дело» вышел ряд его очерков об Уральской земле, а впоследствии печатался и

наиболее известный роман «Приваловские миллионы». Впрочем, для серьёзного писателя печататься в «Деле» 80-ых годов не представляло большой чести: журнал доживал свои последние дни и брал любой материал, допущенный цензурой (вплоть до бульварных романов). Произведения Мамина-Сибиряка заслуживали большего. Однако эта публикация позволила талантливому писателю наконец «достучаться» до столичных издательств и стать известным не только на Урале, но и в европейской части великой страны.

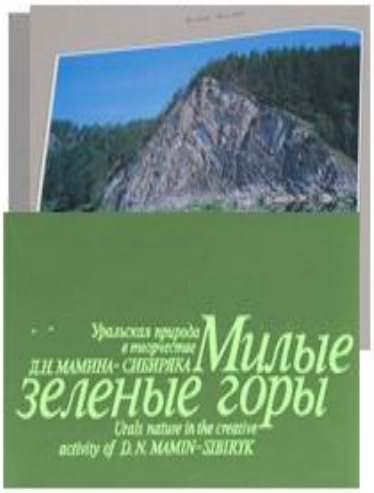
«Родина – ваша вторая мать, – писал Мамин-Сибиряк в письме к брату, – а такая родина, как Урал, тем паче. Припомни наших богатырей, которые, падая на сырую землю, получали удесятеренную силу. Это – глубоко верная мысль».

Свою писательскую силу Мамин-Сибиряк и сам черпал из непрерывающейся связи с Уралом и его народом.

Урал – тело каменно, сердце пламенно. Он оставался с Маминым всегда. Даже когда тот переехал в Петербург и стал вполне столичным жителем, или отправлялся с дочерью отдыхать на какой-нибудь модный курорт, никакие тамошние красоты и чудеса не радовали его. Всё казалось тусклым, лишённым яркости и цвета.

Уральская природа в творчестве Мамина-Сибиряка.

Милые зеленые горы : Урал. природа в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка / сост. И. Дергачев. - Свердловск : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1990. - 182 с.



Милые зеленые горы!... Когда мне делается грустно, я уношусь мыслью в родные зеленые горы, мне начинает Казаться что и небо там выше и ясней, и люди там такие добрые и сам я делаюсь лучше.

Да, я опять хожу по этим горам, поднимаюсь на каменистые кручи, спускаюсь в глубокие лога, подолгу сижу около горных ключиков, дышу чудным горным воздухом, напоенным ароматом горных трав и цветов, и без конца слушаю, что шепчет столетний лес.

ЖИЗНЬ НА ПЕРЕЛОМЕ

В Екатеринбурге проходят 14 лет жизни писателя (1877-1891). Он женится на Марии Якимовне Алексеевой, которая стала не только женой и другом, но также и прекрасным советчиком по литературным вопросам. В эти годы он совершает много поездок по Уралу, изучает литературу по истории, экономике, этнографии Урала, погружается в народную жизнь, общается с «простецами», имеющими огромный жизненный опыт, и даже избирается гласным Екатеринбургской городской Думы.

Два продолжительных выезда в столицу (1881-1882, 1885-1886) упрочили литературные связи писателя: он знакомится с Короленко, Златовратским, Гольцевым и другими. В эти годы пишет и печатает много небольших рассказов, очерков. В Екатеринбурге Мамин-Сибиряк работал над романом «Приваловские миллионы», неоднократно его дорабатывая и меняя названия. Отправлял роман в редакции разных изданий, но его не печатали. Роман увидел свет только в 1883 году. Работа над романом заняла 10 лет. Он считается самым «екатеринбургским» произведением писателя. Роман потребовал от Мамина-Сибиряка огромного труда. Помощников и секретарей у писателя не было: приходилось много раз самому переписывать и редактировать рукописи, делать вставки, выполнять техническую обработку текстов.

Мамин-Сибиряк отличался огромной работоспособностью как писатель и был талантлив во многих литературных жанрах: романах, повестях, рассказах, сказках, легендах, очерках. Жемчужины его творчества – «Приваловские миллионы», «Горное

гнездо», «Золото», «Три конца» – внесли огромный вклад в развитие русской литературы и русского литературного языка.

О языке этих произведений Чехов писал: «У Мамина все слова настоящие, да он и сам ими говорит и других не знает».

С 1879 года Мамин жил с Марией Якимовной на улице Колобовской (ныне улица Толмачёва, здесь размещается музей «Литературная жизнь Урала XIX века»). Гражданская жена всячески помогала ему в творчестве, вносила правки в произведения, давала советы.

В конце августа 1881 года Мамин и Алексеева отправились в Москву. Мамин хотел поступить на филологический факультет МГУ, а Алексеева – на высшие женские курсы профессора Герье. Также они хотели заняться продвижением произведений Мамина. Но все оказалось не так просто: поступить учиться не удалось, зарабатывать было еще сложнее, не получилось и пробиться к литературе. В конце мая 1882 года Мамин и Алексеева вернулись в Екатеринбург.

В 1882 году впервые появилась его подпись – «Сибиряк». В 1883 году вышел очерк «Золотуха», который был благосклонно принят критикой. Его оценил даже сам Салтыков-Щедрин – редактор «Отечественных записок». рассказы» лучшим из того, что написал.

Очерк «Золотуха» положил начало «Уральским рассказам» – самому известному и признанному литературному циклу Мамина-Сибиряка. Он и сам называл «Уральские рассказы» лучшим из того, что написал.

Следующий, 1884 год оказался удачен в творческом плане. Был напечатан роман «Горное гнездо» и другие произведения. В марте 1885 года на гонорар от публикации романов «Горное гнездо» и «Приваловские миллионы» (правда, заняв еще 500 рублей) Мамин-Сибиряк купил для семьи дом по улице Соборной (ныне улица Пушкина). В этом доме семья Маминых-Удинцевых прожила более 30 лет. Мать писателя жила здесь до самой смерти в 1910 году. Здесь же жили брат писателя Нико-

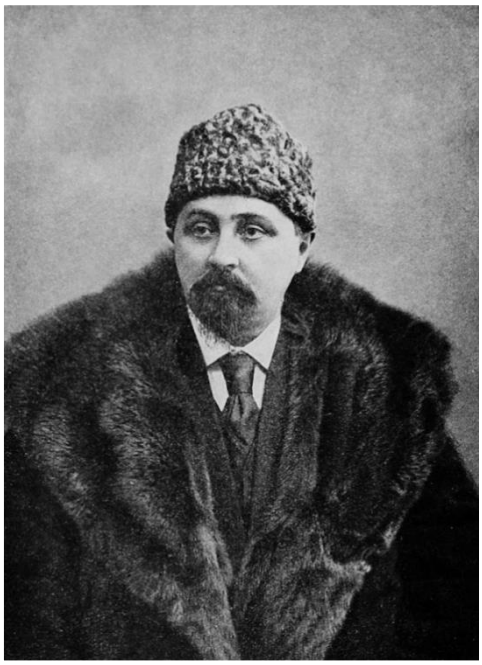
лай и сестра Елизавета с мужем Дмитрием Аристарховичем Удинцевым. В 1946 году в доме был открыт литературный музей им. Д. Н. Мамина-Сибиряка.

К Мамину пришел успех. В августе 1885 года вместе с Марией Якимовной он вновь отправился в Москву. В 1887 году была поставлена первая пьеса Мамина-Сибиряка – «Золотопромышленники».

21 октября 1884 года Д. Н. Мамин-Сибиряк был избран действительным членом Уральского общества любителей естествознания. Он был человеком широких интересов. Проявил себя как этнограф, краевед, коллекционер, археолог.

С 1888 по 1891 годы Мамин состоял гласным (т. е. депутатом) Екатеринбургской городской думы.

В конце 1880-х годов Дмитрий Наркисович хотел заняться добычей золота, намеревался взять в аренду золотоносные земли у башкир, но не задалось. Ездил Мамин и в Зауралье. Посещал селение Заводоуспенское Тюменского уезда. Неоднократно бывал в Ирбите. Останавливался там обычно в газете «Биржевая», которая принадлежала председателю земской управы Дмитрию Аристарховичу Удинцеву.



В 1890 году Мамин-Сибиряк побывал в районе Далматовского монастыря, в Шадринске, проехал по долине реки Исети. Шадринск и происходившие здесь события он описал в романе «Хлеб», а Далматовский монастырь, Каменский завод и реку Исеть – в повести «Охонины брови».

В 1888 году Мамин начал писать роман «Три конца». Работая над ним, летом 1890 года в последний раз посетил Висим.

Мамин-Сибиряк открыл миру Урал со всеми его богатствами и историей.

В 1889 году Мамин-Сибиряк пишет в одном из писем другу: … Я подарил им целый край с людьми, природой и всеми богатствами, а они даже не смотрят на мой подарок».

Мучило недовольство собой. Не очень удачной была женитьба. Не было детей. Казалось, жизнь кончается.

В начале сентября 1890 года, Дмитрий Наркисович встретился с приехавшей в Екатеринбург с гастролями актрисой Марией Морицевной Абрамовой. Он помнил ее по мимолетному знакомству в Москве. Позже он описал эту встречу, изменившую жизнь, в работе «Мария Морицовна Абрамова» (Дневник артиста, 1892, № 4):

«Она мне не показалась красавицей, а затем в ней не было ничего такого, что присвоено по штату даже маленьким знаменитостям: не ломается, не представляет из себя ничего, а просто такая, какая есть в действительности. Есть такие особенные люди, которые при первой встрече производят такое впечатление, как будто знаешь их хорошо и давно… »

Абрамова и Мамин полюбили друг друга. Он ходил на все спектакли Абрамовой, был не в силах скрыть свое отношение к актрисе. Мария Якимовна тяжело переживала разрыв. . .

8 марта 1891 года Мамин и Абрамова уехали из Екатеринбурга и сняли квартиру в Петербурге. Эти месяцы, проведенные вместе с Марией Морицевной, были самым счастливым периодом в жизни Мамина-Сибиряка. Вскоре выяснилось, что Мария Морицевна ждала от Мамина ребенка. Однако вместо радости у нее было тяжелое предчувствие, она часто заводила разговор о смерти. Роды оказались очень трудными и продолжались 65 часов. 21 марта 1892 года Мария Морицевна родила дочь. Увидев ребенка, она обратилась к мужу: «Митя, посмотри на нашу девочку…». Это были последние ее осознанные слова… На следующий день Абрамова умерла. Дмитрий Наркисович оказался один с ребенком, разбитый горем.

Ухаживать за девочкой помогали друзья Мамина – Александра Аркадьевна Давыдова и Николай Константинович Михайловский. Ребенок родился слабым и больным, с родовой травмой. Девочку назвали Еленой (Мамин называл ее Аленой, Аленушкой). В семье Давыдовой за Еленой ухаживала одна из лучших гувернанток Петербурга – Ольга Францевна Гувале. После смерти Марии Морицевны осталась одна и ее младшая сестра Лиза, которая также оказалась у Давыдовой. Мамин-Сибиряк всячески помогал Лизе, пока та не выросла. В будущем она вышла замуж за писателя А. И. Куприна.

С появлением дочери Мамин-Сибиряк стал писать произведения для детей, в которые вложил всю свою любовь к ребенку. Детские рассказы стали классикой. Они многократно переиздавались еще при его жизни. В последние годы писатель жил главным образом за счет издания детской литературы. В 1897 году вышли отдельным изданием «Аленушкины сказки».

«Это моя любимая книжка – ее писала сама любовь и поэтому она переживет все остальное», – говорил Мамин-Сибиряк.

«СЧАСТЬЕ ПИСАТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

«Детская литература Мамина так светла, красива, гуманна и поэтична, что, можно сказать, ничего другого, равного ей, в нашем книжном детском деле нет. Мамин-Сибиряк поставил своим преемникам в этом роде творчества такой уровень требований, что при выполнении их мы с нашей оригинальной детской литературой можем стать наряду с первоклассными произведениями западноевропейского пера».

П. П. Бажов

Мамин-Сибиряк называл детскую книгу «живой нитью», которая соединяет ребёнка с широким миром жизни. А редактору Мамин-Сибиряк в эти годы признался: «Если бы я был богат, то посвятил бы себя именно детской литературе. Ведь это счастье – писать для детей».

Детские произведения Мамина-Сибиряка поистине уникальны: любовью и нежностью к маленьким людям пронизана каждая строчка прозы писателя. Он изначально задумывал не

обычные сказки, а произведения, которые смогут воспитывать чувства ребенка, его разум.

Ещё в Екатеринбурге был написан первый рассказ-очерк для детей «Покорение Сибири» (а всего детских произведений у него около 150!). Писатель посылал свои рассказы в столичные журналы «Детское чтение», «Родник» и другие.

Все знают сказку «Серая шейка». Она вместе с «Алёнушкиными сказками» вошла в сборник «Сказки русских писателей» (в серии «Библиотека мировой литературы для детей»). Когда сказка была написана, у неё был грустный конец, но позже Мамин-Сибиряк дописал главу о спасении Серой шейки. Сказку много раз издавали – и отдельно, и в сборниках.

Много сказок до последних лет не были опубликованы. Теперь они возвращаются к читателям. Сейчас мы можем прочитать «Признание старого петербургского кота Васьки», написанное ещё в 1903 году, и другие.

С раннего детства известны всем рассказы Д. Н. Мамина-Сибиряка: «Емеля-охотник», «Зимовье на Студёной», «Вертел», «Богач и Еремка». Некоторые из этих рассказов были высоко оценены еще при жизни писателя. «Емеля-охотник» был награжден Премией педагогического общества в Петербурге, а в 1884 году получил Международную премию. Рассказ «Зимовье на Студёной» был удостоен в Золотой медали Санкт-Петербургского комитета грамотности (1892).

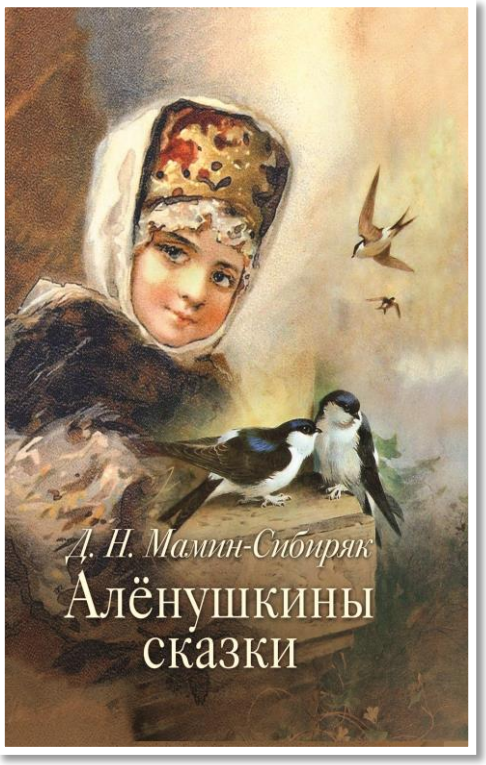
В 1896 году «Алёнушкины сказки» вышли отдельным изданием. Мамин-Сибиряк писал: «. . . Издание очень милое. Это моя любимая книга – её писала сама любовь, и поэтому она переживет все остальное». Эти слова оказались пророческими.

Его «Алёнушкины сказки» ежегодно переиздаются, переводятся на разные языки. О них много написано, их связывают с фольклорными традициями, умением писателя занимательно преподнести ребёнку важные нравственные понятия, особенно чувство доброты. Не случайно язык «Алёнушкиных сказок» у современников назывался «Мамин слог». Куприн писал о них: «Эти сказки – стихотворения в прозе, художественнее тургеневских».

Детские рассказы и сказки писателя «будут читаться, пока на Руси не переведутся сибирский кот Васька, лохматый деревенский пес Постойко и серая мышка-норушка…» – писал журнал «Юная Россия» в 1912 году.

Мамин-Сибиряк пишет редактору:

«Если бы я был богат, то посвятил бы себя именно детской литературе.
Ведь это счастье – писать для детей».



ИНТЕРЕСНЫЕ ФАКТЫ

Мамин-Сибиряк заслужил славу по-настоящему народного и одного из самых оптимистичных писателей своего времени.
В своем творчестве он необыкновенно честно изображал истинный русский дух, с его непростой вековой судьбой и уникальными национальными особенностями – жизнерадостностью, любовью к труду, мощью и размахом

- Проза Мамина-Сибиряка стала замечательным документов эпохи, в которой жил писатель. В произведениях его отражены годы становления капитализма в России, перемены в обществе, в морали людей и их мировоззрении.
- Мамин-Сибиряк долго путешествовал по Уралу, собирая разный материал об этом крае. Своими впечатлениями он поделится в книге «От Урала до Москвы», которая принесет ему первую популярность и признание.
- Писатель питал особую страсть к фамилиям, коллекционируя их. А свой литературный псевдоним создал, присоединив вымышленное имя к настоящей фамилии Мамин.
- Начальное образование Мамин-Сибиряк получил дома, а затем учился в духовной гимназии и семинарии. Обучение в университете он так и не смог закончить из-за финансовых трудностей и проблем со здоровьем. Учился он на врача. Также он успел поучиться на факультетах естествознания и юриспруденции. Своё обучение в духовной семинарии позднее Мамин-Сибиряк называл самым бесполезным периодом своей жизни. Однако, именно тогда он написал свои первые рассказы.
- Печататься начал Мамин-Сибиряк в возрасте 23 лет.

- Мамин-Сибиряк писал очень быстро. Известно, что каждый день литератор писал около 10 тысяч букв. По мнению критиков, это даже слишком много – в его произведениях чересчур много «воды». Тем не менее, большая скорость работы писателя обуславливается тем, что материал к творчеству он начал собирать еще в студенческие годы.
- Помимо этого, Мамин-Сибиряк пользовался и множеством других псевдонимов, например, «Баш-Курт», «Седой», «Рассказов» и др. Современным литературоведам пришлось постараться, чтобы подтвердить его авторство во множестве случаев.
- Творчество Мамина-Сибиряка неоднократно становилось объектами экранизации. Вышеупомянутые «Приваловские миллионы», например, были экранизированы дважды, причём первая экранизация состоялась в 1915 году.
- Увлечение Д. Н. Мамина-Сибиряка изобразительным искусством приходится на 1880–1900-е годы. Д. Н. Мамин-Сибиряк как художник пробовал себя в графике и живописи. Сохранились его карандашные наброски и психологические портреты, а также живописные этюды, написанные маслом и акварелью. Рисунки, этюды и акварели Мамина-Сибиряка – не просто плоды дилетантских занятий известного писателя, но, прежде всего, своеобразная форма воплощения его аналитического подхода к действительности, который он исповедовал в своем литературном творчестве, ставшая возможной благодаря и его безусловному художническому таланту, и, отчасти, характерным настроениям эпохи.
- За свою жизнь Мамин-Сибиряк написал целых 15 романов, 19 рассказов, очерков и сказок, а также принял участие в постановке двух радиоспектаклей. Для детей и о детях было написано более 130 рассказов и сказок. Полное собрание его сочинений в 8 томах было издано вскоре после его смерти, в 1915-1917 годах.
- Мамин-Сибиряк является обладателем нескольких наград и премий. Сказка «Емеля-охотник» получила премию педагогического общества, а через какое-то время была удостоена Международной премии. Рассказ «Зимовье на Студеной» получила Золотую медаль.
- В честь писателя названо несколько улиц, одна из них в Екатеринбурге.

- В 1963 г. имя писателя получил Нижнетагильский драматический театр.
- Мамин-Сибиряк изображен на банкноте номиналом 20 уральских франков.
- Сборники рассказов уральского писателя Дмитрия Мамина-Сибиряка изданы на японском языке. Переводом книг занимался преподаватель одного из японских вузов Сеити Ота.
- В городах России открыты музеи Д. Н. Мамина-Сибиряка: Литературно-мемориальный дом-музей Дмитрия Мамина-Сибиряка г. Екатеринбург; Литературно-мемориальный музей Дмитрия Мамина-Сибиряка (филиал Нижнетагильского музея-заповедника) пос. Висим.
- В 2002 годы была учреждена премия имени писателя, которая вручается за работы об Урале.
- Памятники Д. Н. Мамину-Сибиряку установлены в городах России:

- В 2017 году вышла новая книга (серия ЖЗУ) «Дмитрий Мамин-Сибиряк» Натальи Паэгле. Когда книга была написана в 2015 году, заказавшее ее издательство отказалось от печати, сославшись на финансовые трудности. И тогда авторами было принято решение объявить народный сбор средств. Поначалу эта затея казалась безнадежной, но когда начала поступать финансовая помощь со всех уголков страны и зарубежья (Эстонии, Польши, Германии, Канады, Израиля), издание книги стало реальностью. Паэгле отметила:
- «Вместе с автором иллюстраций, членом Союза писателей России Вадимом Осиповым мы проехали многие исторические места, связанные с именем Мамина-Сибиряка. Мы были

в Висиме, родине писателя, в Нижнем Тагиле, Нижней Салде, Ирбите, Курьях, Сухом Логу. Затем мы поехали в Москву, Санкт-Петербург, Пушкин. Мы старались посетить все места, где жил Дмитрий Наркисович и его семья. Атмосфера, эмоциональный фон этих мест для меня были очень важны. Посещали музей-усадьбу Ильи Репина «Пенаты», пытаясь найти там следы Мамина-Сибиряка. Ездили в Финляндию, потому что Дмитрий Наркисович неоднократно там бывал и описывал ее в своих произведениях. Далее шла работа с первоисточниками в архивах не только Свердловской области, но и Московских и Санкт-Петербургских. Некоторые документы до меня никто не держал в руках… Главное для меня – показать современность творчества Мамина-Сибиряка. Исследователи советского периода писали: «К сожалению, он не понял марксизм», а он и не пытался его понять, для него гораздо важнее было рассказать о влиянии на человека капитализма, который наступал после отмены крепостного права. Как жить при капитализме, как сохранить нравственность, не подкупаться на золото и власть – вот об этом его произведения, вот почему он для нас современен».

❖ Серьезную помощь оказали супруги Игорь и Людмила Дистергефт из Германии, прилетевшие на презентацию книги. «Более 40 лет назад мой отец, художник Михаил Дистергефт, заинтересовался творчеством Мамина-Сибиряка. И чем больше он вчитывался в его произведения, тем больше он влюблялся в ту атмосферу, и нашел какие-то созвучные струны между ним и собой. Сначала он занялся иллюстрированием его произведений, затем написал два его портрета (один использован на обложке книги). Я хочу вас всех поздравить с новым изданием. Оказывается, от мечты до выхода книги – не такой долгий путь», – заявил Игорь Дстергеф.

❖ Мамин был человеком удивительно общительным, но настоящих друзей у него было немного. Дружба с Денисовым, как отмечает С. Семенова, «носила иной характер и была дружбой на равных». Встретились два великих человека, равных по уму, таланту и страстной любви к Уралу. Этих земляков объединяли такие черты, как обостренное чувство родины и ответственность за ее судьбы, универсальность знаний об Урале, темперамент общественных деятелей и яркая природная одаренность. Оба всерьез занимались археологией и этнографией, и каждый сделал в этих областях серьезные находки и зарисовки. Неизменной страстью обоих была минералогия и серьезные минералогические коллекции. Даже свой псевдоним «Уральский» Денисов присоединил к фамилии под непосредственным влиянием писателя. Однако в сравнении с другом он уточняет свой псевдоним: ведь родина обоих Урал, а не Сибирь.

Певцы Урала. А. И. Репин

Д. Н. Мамин-Сибиряк с А. К. Денисовым-Уральским на пикнике. 1900-е гг.

❖ Рассказы уральского писателя Мамина-Сибиряка изданы на японском языке. В Екатеринбург из Японии приехал родственник Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка Иван Югов. Он подарил Объединенному музею писателей Урала две книги с рассказами Мамина-Сибиряка, переведенными на японский язык. По словам Югова, переводом книг занимался преподаватель одного из японских вузов Сеити Ота.

❖ Д. Н. Мамин-Сибиряк писал стихи.

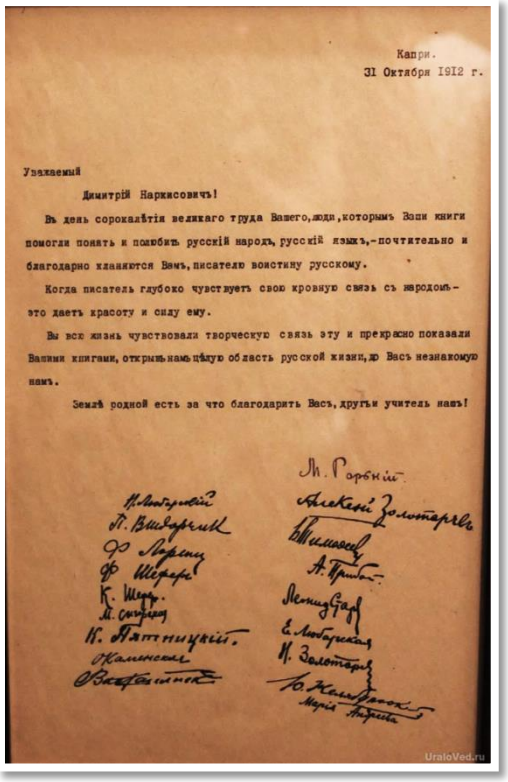
На рождество – особенный мороз,
Молочный пар клубится над Исетью,
Связало пальцы бесконечной плетью
И лоб бурсацкий инеем порос.
А здесь священник задает вопрос:
- Напомни, отрок, Заповедь мне третью,
Способствовал ли Ирод лихолетью,
И сколько дней в пустыне был Христос?
Уездный город Екатеринбург,
Ох, как непрост он, этот мир казенный,
Но жизнь – великолепный драматург,
Умеющий так ясно преподать,

Что смог позднее полностью впитать,

Увидел все Певец, в Урал влюбленный.

❖ Приближался юбилей писателя: 60 лет со дня рождения и 40 лет литературной работы. О нём вспомнили, пришли поздравить. Мамин-Сибиряк был в таком состоянии, что уже ничего не слышал. В свои 60 лет он казался дряхлым стариком с потухшими глазами. Юбилей был похож на панихиду. Говорили хорошие слова: «гордость русской литературы», «художник слова». . . Подарили роскошный альбом с поздравлениями и пожеланиями. В этом альбоме были слова и о его работах для детей: «Вы открыли свою душу нашим детям. Вы поняли и полюбили их, а они поняли и полюбили Вас… ».

Но «признание» пришло слишком поздно: Дмитрии Наркисович умер через шесть дней (ноябрь 1912 года). После его смерти ещё шли и шли телеграммы с поздравлениями к юбилею.



Капри.
31 Октября 1912 г.

Уважаемый

Димитрій Наркисовичъ!

Въ день сорокалѣтія великаго труда Вашего, годы, которымъ Ваши книги помогли понять и полюбить русскій народъ, русскій языкъ,-почтительно и благодарно кланяются Вамъ, писателю воистину русскому.

Когда писатель глубоко чувствуетъ свою кровную связь съ народомъ- это даетъ красоту и силу ему.

Вы всю жизнь чувствовали творческую связь эту и прекрасно показали Вашими книгами, открывъ намъ цѣлую область русской жизни, до Васъ незнакомую намъ.

Землѣ родной есть за что благодарить Васъ, другъ и учитель нашъ!

На фото: Д. Н. Мамин-Сибиряк. 1912

ЛЕГЕНДЫ И СВЯТОЧНЫЕ РАССКАЗЫ

«Родина – ваша вторая мать, – писал Мамин-Сибиряк в письме к брату, – а такая родина, как Урал, тем паче. Припомни наших богатырей, которые, падая на сырую землю, получали удесятеренную силу. Это – глубоко верная мысль».

У писателя был давний интерес к народным легендам, особенно к тем, что созданы коренным населением Урала и Зауралья: башкирским, татарским, Раньше часть коренного населения называлась киргизами (они упоминаются в легендах Мамина-Сибиряка). Легенды кажутся народными, но Мамин-Сибиряк взял у народа только язык, обороты речи.

Интерес Мамина-Сибиряка к малой родине корнями своими уходит в петербургскую юность: по словам Б. Д. Удинцева, Мамин «всегда мучительно ощущал связь с семьей». В декабре 1876 г. в связи с каникулами вдали от дома Дмитрий Наркисович выскажется так: «Я часто вспоминаю Висим, засыпанный теперь по самые крыши снегом, и жалею, что не придется еще пожить в нем. Часто уношусь мечтами в далекий, глухой уголок, самый дорогой для меня по воспоминаниям. Когда бывает трудно, когда хочется отдохнуть от ежедневных дрязг, особенно вечером, когда на столе ворчит самовар, я витаю мыслью среди моих старых знакомых, среди знакомых мест, среди патриархальной жизни». Однако Мамина интересует не только семья – родители, братья, сестра. Начинающий писатель с тревогой наблюдает за тем, как быстротекущая жизнь смывает следы прошлого. Отсюда его пристальный интерес к истории области и края в целом, к фольклорным первоисточникам, внимание к такому феномену русской (и уральской в частности) культуры, как старообрядчество.

В письме к отцу от 21 августа 1875 г. жаждущий писательства петербургский студент Д. Мамин так обозначил интересные ему основные грани социально-исторической действительности Урала:

- раскольничья жизнь;
- Демидовы (противопоставляет энергии первых распущенность последних);
- разбойники (выделяет типы: фабричные; рудниковые; беглые; дает качественную характеристику – «знаменитые»);
- рассказы о Ермаке, Пугачеве, Малороссии и проч. (очевиден интерес к героическому прошлому Урала, а также к освоению и заселению уральских земель).

В 1889 году писатель обратился в «Общество любителей российской словесности» со следующими строками: «Каждое лето мне приходится путешествовать по Уралу, и по пути я не упускаю случая записывать все, что касается этнографии и вообще бытовой обстановки этого обширного и разнообразного края. Между прочим, мне хотелось бы заняться собиранием песен, сказок, поверий и других произведений народного творчества, поэтому решаюсь обратиться к Обществу с просьбой – не найдет ли оно возможным выдать мне открытый лист для указанной выше цели…»

15 апреля 1889 года Мамин-Сибиряк получил свидетельство на «право собирания песен и других произведений народной словесности».

Урал Мамин изъездил вдоль и поперек всюду общаясь с людьми из народа. «Умел Мамин располагать к себе людей. Приезжаешь, бывало, в деревню,…а около него целая группа мужиков. Д[митрий] Н[аркисович] их расспрашивает, они рассказывают. Говорят и о земле и о местных чудесах и легендах», – вспоминает И. В. Попов, постоянный попутчик Мамина в его путешествиях (статья за подписью «П. Б. » в сборнике «Урал», Екатеринбург, 1913 г. , стр. 79).

Особенно интересовало и волновало Мамина положение малых народностей. Еще в своих ранних очерках «от Урала до Москвы» писатель, чуждый буржуазному национализму и великодержавному шовинизму, глубоко возмущался преступной политикой царизма, обрекавшего многие народы на истребление. Он считал, что «Вопрос… о судьбах населяющих Сибирь инородцев представляет капитальную важность, если проследить его шаг за шагом, вплоть до наших времен, когда все эти

жалкие самоеды, остяки, вогулы, тунгузы, юкагири, коряки, камчадалы и пр. на наших глазах вымирают не по дням, а по часам. Водка, сифилис, кабала и эксплуатация русских промышленников, произвол и безучастное отношение русской администрации… – вот плоды той роковой цивилизации, от одного прикосновения которой инородцы гибнут и вымирают…» («Русские ведомости», 1881, № 288).

В одном из очерков этой серии, «Пермь – Казань», Мамин говорит о Чердынском уезде, где еще «живы все обычаи, существуют все поверья»: «…Мы можем указать, как на пример, на свадебные обряды и целый, в высшей степени замечательный цикл свадебных женских песен. Даже в чтении эти обряды и песни производят потрясающее впечатление своей глубокой, выстраданной поэзией и исторической правдой. Эти песни богаты такими оборотами, сравнениями, образами, не говоря уже о прекрасном старинном языке, каким они сложены…»В записных книжках писателя имеется множество Народных поговорок, пословиц, упоминаются мотивы народных песен, легенд.

Изучение устного народного творчества помогало писателю понять думы и чаяния народа, проникнуть в его характер, изучить его обычаи и нравы.

В письме к В. А. Гольцеву, редактору «Русской мысли», от 31 мая 1898 года Мамин писал: «Книжка легенд образовалась по следующему поводу. Меня поразил шекспировский тип хана Кучума, и я хотел написать на эту тему историческую трагедию. Пришлось заняться историей и этнографией, а главное – языком. Пришлось сделать так: для трагедии я решил написать сначала легенду о Кучуме, а чтобы написать эту легенду, пришлось написать в смысле упражнения остальные» («Архив В. А. Гольцева», т. 1. Книгоиздательство писателей, М. , 1914).

Создать трагедию шекспировского типа Мамину не удалось, но и в написанных легендах герои – сильные, яркие личности, они динамичны, в них побеждают благородные чувства. В журнале «Русская мысль» (книга V, 1898 г.) появилась рецензия, в которой неизвестный рецензент писал: «Мамин-Сибиряк передает стародавние сибирские сказания, в которых вымыслы народной фантазии тесно переплетаются с подлинными историческими преданиями, сохранившимися в памяти зауралъ-

ских инородцев. Господин Мамин собрал пять легенд и придал им изящную литературную форму, прячем мастерски сохранил дух и тон киргизов, сложивших эти повествования.

Пять легенд, созданных Маминым-Сибиряком, занимают небольшое, но своеобразное место в его творчестве.

Легенды имеют в своей основе, несомненно, исторические предания и очень интересны тем, что изображают нам суровое, грозное великолепие среднеазиатских ханов, живших в сказочно-роскошных дворцах». В легендах сильные, яркие герои, их любовь к свободе, просто любовь.

«Баймаган»

По времени написания легенда «Баймаган» («Баймыган») является первой. В 1886 году Д. Н. Мамин-Сибиряк представил легенду «Баймаган» для публичного чтения в «Общество любителей российской словесности» в связи с избранием его в члены этого общества. Впервые же легенда была напечатана лишь в 1891 году, в сборнике «Общества любителей российской словесности».

В центре легенды «Баймаган» – батрак, пастух, работник, бедняк – слуга богатея Хайбибулы, имеющего табун в двести лошадей.

Духовное прозрение киргизского батрака Баймагана во время бреда, постоянно мечтавшего о женитьбе на красавице-богачке

Гольдзейн, – это открытие человеком жизненного закона: обретение богатства ценой хитрости, унижения, смерти других ведет самого человека к духовной смерти. Становится понятно, зачем писатель испытывает этого героя болезнью и состоянием бреда. Лучше в бреду увидеть, каким можно стать, чем, действительно, стать таким.

Начало легенды построено на контрасте. «Хороша киргизская степь, хорошо голубое небо, которое опрокинулось над ней бездонным куполом, хороши звездные степные ночи, но лучше всего новый кош» Едет вечером с пастбища и думает бедный пастух лошадей Баймаган. Я вижу, он способен думать о вечном, видеть красоту окружающего мира, но, герой устал жить бедно, хочет разбогатеть быстро и бесчестно. Героя можно понять: он сирота с раннего детства, он ничего хорошего в жизни не видел, а насмешек и обиды в свой адрес получал много.

Существующие в легенде явь и бред Баймагана по смыслу мало чем отличаются. В реальной жизни мысли бедного пастуха заняты «красавицей Гольдзейн», ее недосягаемостью. В бреду мысли становятся не только более изощренными – Баймаган проживает свою жизнь. Проживает как явь унижения и насмешки Гольдзейн, падение с необъезженной лошади, уход от Хайбибулы, сколачивание денег на калым воровством в степи лошадей, женитьбу на Гольдзейн, унижение матери Гольдзейн, убийство Урмугуза, женитьбу на Макен, унижение уже Гольдзейн, желание убить из – за молоденькой Аяш Хайбибулу, неудавшееся убийство Хайбибулы

Тут автор приводит Баймагана в чувство: «Тише тише не шевелись, Баймаган, – шептал над ним голос старой Ужины, чьи – то руки удерживали его голову». Только теперь молодой пастух, имея возможность сравнить сон и явь, понимает и искренне признается матери Гольдзейн, которую он в бреду много раз унизил и обидел: «Я дурной человек Я хуже всех других, Ужина». Автор приводит Баймагана (и читателя тоже) к пониманию, что если дорога в белые коши богатых пролегает через преступление, то несёт душевное опустошение. Баймаган, заглянувший в бездну, в которую затягивает человека страсть к наживе, предпочитает купленной любви искренность и равноправие чувства. Баймаган познает чувство любви с Макен, осно-

ванное на доверии и уважении. Он, сирота чуть не с рождения, обретает и настоящих друзей и семью.

Баймаган рад, что вовремя пришло прозрение – богатство, добытое ценой не одной смерти и унижения достоинства другого – страшная иллюзия счастья. Герой, а вместе с ним и читатель, понимает, сколько бед и ужасающих поступков обошли его стороной. Писатель дал возможность герою в бреду посмотреть на свою темную сторону и решить, уже в сознании, так будет жить дальше, или этот урок возродит в нем хорошего человека.

И оттого, что Мамин-Сибиряк рассказывал об этом в легенде как бы не от себя – как бы припоминая древнюю изустную легенду, на его произведение падал отблеск непреходящей мудрости. Писатель этой легендой, откровением, сошедшим на героя, напоминает нам: думайте, прежде чем что- то делать.

«Майя»

Легенда «Майя» явно автобиографична, т. к. ранняя смерть героини, оставившей маленького ребенка, бесконечное горе главного героя, любившего жену. Это его – Мамина-Сибиряка песнь о любви, о тоске по умершей любимой. Личные отношения к недавно скончавшейся жене, драматической актрисе М. М. Абрамовой, матери знаменитой Алёнушки, писатель стремится осмыслить в образах, стилизованных под восточную поэзию.

Рассказать о любимой, о любви, о страдании, перекипевшем в чувство бесконечности любви, можно было только особыми

словами, которые были бы сами по себе поэтичными, шли бы от души, но для всех, чтобы много сердец почувствовало силу любви и философский смысл любовных отношений людей.

Молодой хан Сарымбет, подстрекаемый первым визирем, старым и крайне жестоким, при захвате города Гунхоя беспощадно истребляет стариков, женщин и детей побеждённого племени, с которым воюет не первую сотню лет: «Женщин и детей топтали лошадьми, резали и кололи. . . Ханский конь врезался в живую толпу, а ханская сабля косила головы направо и налево. О, разве может быть счастье больше, чем видеть поверженного в прах своего злейшего врага и наслаждаться его предсмертным хрипением Пленных не будет…» Писатель, используя прием гиперболизации, показывает варваров, жестоких воинов, живущих только текущим моментом.

Но молодого хана автор испытывает любовью. Это испытание Сарымбет проигрывает навсегда. До встречи с Майей – это был один человек, а после встречи – он даже первое время сам себя не узнавал.

Любовь к Майе, женщине из враждебного племени, облагораживает его, хотя героиня не прикладывает к этому никаких усилий. Любовь творит с ним настоящие чудеса. Единственная просьба любимой женщины, правда, не понятая им сразу, – похоронить ее в вольной степи, на вольном степном ветре, на берегу озера Кара – Куль, без ханских почестей – делает его почти счастливым. Мне понятно, что героиня хочет, хотя бы после смерти, стать вольной, соединившись с вольной природой.

Совсем счастливым он становится, когда через полгода Майя признается, «была пленницей Олой – хана, но не любила его. А вот тебя люблю, и в этом моя погибель».

Мамин–Сибиряк показывает гармоничные отношения между мужчиной и женщиной, когда герои понимают друг друга без слов, читают друг у друга в душе. Писатель показывает и радость, и муки любви героев – настоящую жизнь.

Следующим испытанием хана становится испытание смертью любимой женщины. А своей ранней смертью Майя, мне так думается, искупала будущие жестокости своего сына, ставшего воином, похожим на хана – отца в молодости. После смерти Майи, похороненной на берегу озера, умерло сердце хана.

Майя подарила хану настоящую жизнь, но ушла она, и все ушло с ней.

Сарымбет слагает с себя высокий сан, уходит к могиле Майи, не взяв с собой «лишней пары одежды». Сарымбет искупает (если возможно искупить смерти невинно убиенных) отшельнической жизнью все прошлое. Люди стали приходить за советом, даже непримиримый хан Олой пришел мириться. Сарымбет выразил закономерную для теперешнего его понимания назначения человека на Земле просьбу: «Похорони меня рядом с Майей насколько человек хуже даже самой глупой птицы. Моя Майя открыла мне глаза, и я знаю только одно счастье, чтобы похоронили меня рядом с ней». Хан умирает как простой человек. «Всё проходит, разрушается, исчезает, остаётся только любовь». Автору удалось в формах восточной легенды найти поэтические доказательства бесконечного достоинства любви, очищающей и возвышающей личность.

«Лебедь Хантыгая»

Легенда «Лебедь Хантыгая» была написана в 1891 году. Сюжет её несложен. Он воспроизводит известные в международ-

ной сказочной и легендарной традиции рассказы о путешествиях в поисках истины.

Композиция легенды безупречна. В ней выделяется зачин, в котором вводится герой – знаменитый народный поэт Бай Сугды, по прозванию Лебедь Хантыгая. Бай Сугды находится в состоянии сильного душевного кризиса. Его мучают мысли об исчерпанной жизни, которая подобна «тени промелькнувшей в воздухе птицы», о близкой смерти. Думает, что жизнь им прожита неправильно, ибо творчество его – это «сладкое безумство», и он обманывал людей, «суля никогда не существовавшие радости», тогда как рядом «Горя, несчастий, нужды и болезней целые моря». Теперь он хочет узнать «истину жизни», найти мудрецов, которые дали бы ответ на вопрос, как жить и что делать.

Уже в зачине легенды видно, как относится к лебедю Хантыгая глава государства Бурун – хан: «Где Хаким Бай – Сугды? Где лебедь Хантыгая? Отчего мои глаза не видят славу и гордость моего государства? Где он, слеза радости, улыбка утешения, свет совести, – где хаким Бай – Сугды, лебедь Хантыгая?» О значимости этого человека в государстве говорят оценочные слова «ученый», «учитель», «слава», «гордость государства». Вопросительный монолог хана сразу подсказывает читателю, чем – то встревожен правитель.

В этой легенде показан другой хан: желающий жить рядом с «Правдой». Рядом с Правдой жить трудно: нужно быть хотя бы отдаленно достойным ее. Хан говорит мудрые слова, говорящие о нем все и как о правителе, и как о человеке: «Ты выше меня, потому что я сейчас хан, а завтра меня съедят черви, а ты умрешь – после тебя останутся живые чудные песни Ханов много, а хаким Бай – Сугды – один». Противопоставление в предложении акцентирует внимание как на порядочности правителя, так и на порядочности Бая – Сугды.

Баю – Сугды до истины нужно дойти самому, так как он (мудрый человек) очень критично относится к своему предназначению, считает его слишком легким, совсем не заслуживающим такого к себе отношения. Бай Сугды отрекается от привычной для него жизни и отправляется в путь, стремясь найти

новый смысл жизни. Он встречается с тремя мудрецами, с тремя вариантами понимания целей и смысла жизни.

Первый мудрец хаким Тююзак считал, что все беды от богатства. Богатство давит поэта, как ярмо. Бай Сугды принял поучение первого мудреца как аксиому, отказался от богатства, от помощи слуг.

Даже у разбойников опустились руки, когда они узнали, кого грабят, а он просто за ними наблюдает: « Мы грабим только купцов и богатых людей. будь проклят тот человек, который вырвет хоть одно перо из белого крыла лебедя Хантыгая. Твои песни открывают тебе счастливый путь».

Одетый в рубище, Бай – Сугды приходит пешком ко второму мудрецу через три месяца. Такое время писатель отводит хакиму для раздумий. Второй мудрец Урумчи – Олой сказал поэту, что «огонь преступных желаний в нас от пищи Не ешь мяса, не употребляй пряностей и вина, и он потухнет сам собой».

До третьего мудреца автор ведет хакима три года. За это время Бай – Сугды испытал все, но и претерпел все. Встреча с третьим мудрецом великим хакимом Эрьгуудзлем возвращает всё на свои места. Он посылает Бая – Сугды домой: «Иди и пой свои песни. Каждая слеза, осушенная твоей песнью, и каждая улыбка радости, вызванная ею, – такое счастье, о котором не смеют мечтать даже ханы».

На путь домой автор отводит хакиму десять лет, а всего он был в пути тринадцать лет, три месяца и три дня. Все числа значимы. Это было время на нравственное возрождение хакима Бая – Сугды, вновь обретшего смысл жизни: « он пел о счастье трудящихся, о счастье добрых и любящих, о счастье простых Эхом повторяли эти песни и пастухи в степи, и пахарь за плугом. и молодая девушка за прялкой, и старики, согревавшие свое холодевшее тело около огня». Путешествие хакима не было напрасным, так как он открыл для себя важнейшую истину, «истинная мудрость – это и есть жизнь.

Мамин – Сибиряк показал наглядно, что нужно человеку делать, если он перестал верить в себя: нужно честно продолжать делать то, что делал.

«Слезы царицы»

Жестокость по отношению к детям, их убийство станет одной из причин трагедии героев следующей легенды Мамина-Сибиряка – «Слезы царицы». Эта легенда представляет собой наиболее яркий образец «восточного текста». В ней реализуется один из важнейших мотивов восточного фольклора – притязания старого хана на юную красавицу, сердце которой отдано молодому красивому батыру. Эта традиционная сюжетная коллизия осложняется у писателя современной нравственно-этической проблематикой – конфликтом между личным счастьем человека и требованиями государственной морали.

Чтобы понять замысел писателя, необходимо вспомнить историческую коллизию русской жизни, которая заинтересовала Мамина-Сибиряка при работе над данной легендой. Алексей Мамонов, 27-летний красавец и придворный щеголь, стал фаворитом 57-летней русской императрицы Екатерины II в 1786 году. Однако через три года, тяготясь своим положением и «считая житие свое тюрьмою», он влюбляется в юную княжну Д. Ф. Щербатову и просит императрицу разрешить ему жениться на ней. В «Дневнике» статс-секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого подробно зафиксированы драматические коллизии этих отношений, о чем, конечно, знал Мамин-Сибиряк.

В легенде «Слезы царицы» ситуация в значительной мере осложнена. Вместо пожилой императрицы Екатерины молодая красавица-ханша Кара-Нингиль – переводится как «черный

жемчуг», который имеет совершенно особую символику в культурной традиции Востока. Жемчуг – «символ. . . света. . . невинности и девичьей чистоты». Что же касается черного цвета, то в большинстве культур он «символизирует тьму смерти, невежество, отчаяние, горе. . . скорбь и зло. . . и зловещие предсказания. . . Черный также считается цветом мщения в исламе» . Эта мифологическая символика черного жемчуга удивительным образом накладывается на судьбу царицы. Воплощение абсолютной красоты, выбранная в жены старому Узун-хану из 1000 лучших девушек государства, она сама принадлежит к старинному ханскому роду, уничтоженному ее будущим мужем. Кара-Нингиль против своей воли становится орудием мщения в руках ханского советника Джучи-Котэма, явившись причиной гибели старого хана.

Что касается символики жемчуга как олицетворения невинности и девичьей чистоты, то Кара-Нингиль вплоть до своей роковой любви к Аланче-хану воплощает собой идеальный тип девушки, что помогает ей в легенде сохранять свою неправдоподобную вечную красоту, ревниво охраняя, по словам поэта Гафиса, «лед своей девичьей гордости».

Так продолжалось до тех пор, пока царица не позволила себе влюбиться в младшего сына убитого хана, который чудом остался жив после кровавой резни, устроенной Джучи-Котэмом, чтобы, по обычаю, устранить всех возможных претендентов на престол. В этой резне погибли 100 сыновей хана, и только 10-летнему Аланче-хану удалось спастись.

Впоследствии он попадает в руки Джучи-Котэма, и только слезы царицы, не желающей стать виновницей гибели еще одного ребенка, заставляют Джучи-Котэма пощадить его, сделав пленником одного из прекрасных ханских садов. Когда мальчик превратился в прекрасного юношу, стройного, как молодой тополь, с гордой осанкой и горячими глазами, молодая царица влюбляется в своего узника. Однако не в силах побороть свою гордость и зная, что юноша заочно ненавидит царицу, убившую всех его братьев, Кара-Нингиль начинает встречаться с ним в саду под видом простой аячки, служанки царицы.

Аланча-хан нарушает клятву, данную простой аячке, и, отпущенный ею на охоту, бежит и поднимает восстание против

ненавистной ему царицы. Он преследует ее, чтобы поймать и казнить так же, как в свое время был казнен его отец. Однако делает это не из-за мести за отца, которого он по существу не знал, но потому что этого требует обычай.

Не желая просить пощады у любимого, царица Кара-Нингиль, плача в последний раз, бросается в пропасть с вершины Куз-Тау, и только тогда Аланча-хан, вздрогнув от ужаса, узнал в гордой царице простую аячку. Так, спустя более двух тысячелетий, в легенде Мамина-Сибиряка отозвалась библейская «Песнь песней» царя Соломона: «Запертый сад – сестра моя, невеста, заключенный колодец, запечатанный источник».

Именно в горах, в пещере прошли детские годы Кара-Нингиль, именно в горы она возвращается перед своей гибелью, познав справедливость слов мудреца Байгыр-хана: «Наши несчастья только велики для нас самих, а если смотреть на них издали, то делаются все меньше и меньше <…> Труднее всего быть царем для самого себя. . . и бояться нужно тоже одного себя».

«Сказание о сибирском хане, старом Кучуме»

Авторский вариант исторического предания об одной из самых трагических страниц жизни Сибирского ханства – его покорении Белым царем.

В этой легенде «любовь» старика Кучума к молодой красавице Сайхан-Доланьгэ, получает историческое оправдание, так как преследует высокую и благородную родовую цель – не дать сгинуть роду Кучума, кости Ибака».

Образ волка постоянно встречается в тексте маминского «Сказания…». С волком сравнивают практически всех его героев. При этом волк в «Сказании…» – это воистину «тотем всех тюрок» – олицетворение «духа степи». В контексте волчьей символики легенды не вызывает удивления, что в «Сказании» Мамина-Сибиряка борьба татар с казаками происходит на фоне жестокой междоусобной борьбы степняков между собой.

Основными противоборствующими родами в легенде становятся «проклятая кость Тайбуги», к которой принадлежит Сайхан-Доланьгэ, «кость Ибака», к которой принадлежит Кучум и чем он очень гордится. Ради Сайхан-Доланьгэ Кучум «оставляет свои года и старость в Искере», а «его сердце бьется молодой, горячей кровью». Ради нее он оставляет ханскую гордость и поет ей «свои песни, как самый бедный степной пастух».

Мамин-Сибиряк использует в своей легенде элемент чудесного, который не встречается в других легендах этого цикла. Это чудесное в мире «Сказания…» связано с образами двух героев в легенде: «святого старца» Хан-Сеида, символизирующего собой господствующую мусульманскую религию, и столетнего шамана Кукджу, язычника, который молится еще старым богам – «святой Оби и буйному Иртышу». Именно Кукджа насылает на Сайхан-Доланьгэ «чудесный сон», в котором она видит счастливое будущее сибирских татар в случае своего брака с Кучумом.

Что касается Хан-Сеида, то он спасает Кучума и его прекрасную ханшу Сайхан-Доланьгэ после последнего жестокого поражения под Искером, и это спасение однозначно трактуется в легенде как чудо: «Хан-Сеид протянул свои руки над головой Кучума, и сделались они. . . невидимыми… Великая беда случилась и великое чудо». Последнее чудо, совершенное Хан-Сеидом и свидетелем которого становится московский посол, тесно связано с мифологией татар. На глазах у изумленного и испуганного московского посла из сорванной молодой ханшей

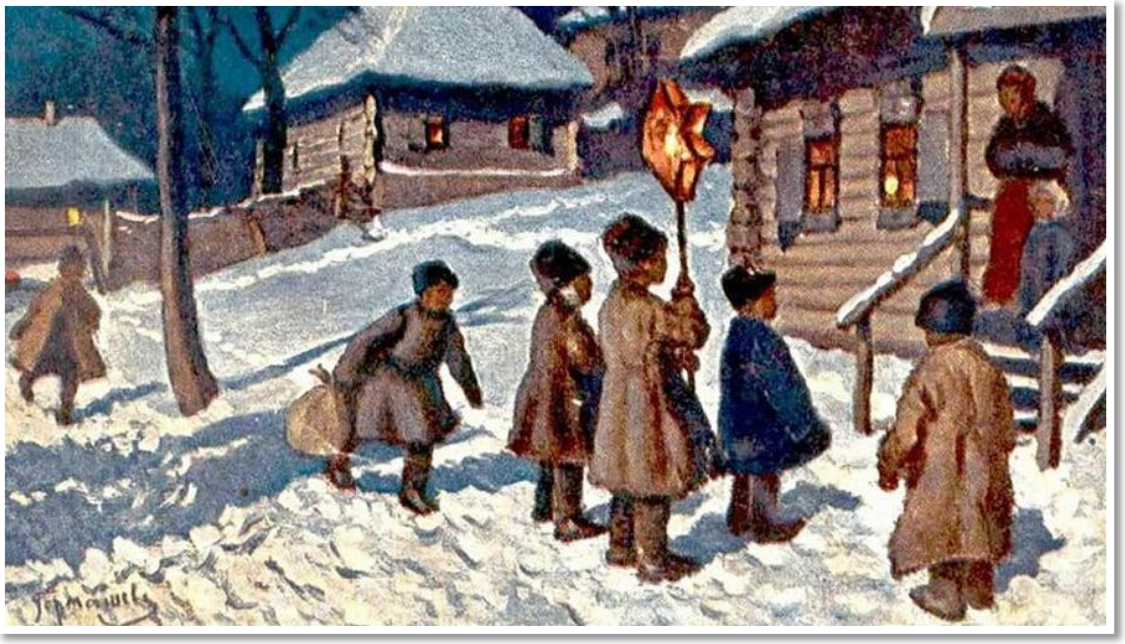
травы рождается непобедимое войско: «Сколько сорвано было ханшей травы, столько вышло в поле и джигитов».

Степная трава в легенде – символ бессмертия. Именно поэтому Кучум в «Сказании…» обречен на бессмертие, и «низкой истиной» кажется скупое историческое свидетельство, что он был убит ногаями. Правда легенды говорит другое: «Жив старый хан Кучум и сейчас, он бродит по степи с невидимым войском. Где он прошел – там лежит трава, сорванная ханшею Сайхан-Доланьгэ. Один он остался, потому что один не изменил своей матери-степи и искал честной смерти в открытом бою с врагом. Вот почему, где будет в степи стоять кош и где будет куриться живой огонек, там будет петься и слава старому хану Кучуму, красавице-ханше Сайхан-Доланьгэ и грозным Кучумовичам».

Мамин-Сибиряк, несомненно, гордился этим видом своего творчества. Поэтому его не удовлетворила роль «собирателя» легенд, отведенная ему рецензентом. В том же письме от 31 мая 1898 года к В. А. Гольцеву Мамин отстаивает свою самостоятельность в создании легенд: «Если что мной заимствовано, то исключительно язык, восточные обороты речи и характерные особенности в конструкции самой темы. Затем из истории взята только основа легенды о Кучуме, за исключением завязки. Все остальное, то есть содержание всех легенд, характеристики действующих лиц, типы и завязки, всецело принадлежит мне и никакими посторонними материалами я не пользовался и ничего не собирал».

В 1898 году все пять легенд были выпущены отдельной книжкой.

Святочные рассказы и сказки Мамина-Сибиряк



Сын священника, человек верующий, Мамин-Сибиряк писал святочные, рождественские рассказы и сказки. После 1917 г. их, естественно, не печатали, т. к. эти произведения невозможно было увязать с именем писателя-демократа, со временем борьбы с религией. Теперь они стали публиковаться. В святочных рассказах и сказках Мамин-Сибиряк проповедует идеи мира и согласия между людьми разных национальностей, разных социальных слоев, людей разного возраста. Они написаны с юмором, оптимизмом.

Прежде, чем выпустить цикл «Святочные рассказы» в 1898 г. , Мамин-Сибиряк опубликовал большинство из вошедших в него рассказов в периодике (1886–1897). Примечательно, что практически ни один из текстов изначально не содержал жанрового обозначения «святочный (рождественский, пасхальный) рассказ». Исключениями являются «Отец на Новый год», «Последнее искушение», а также «Нечто о бабьей притче, добром черте и потерянном душевном зеркале: Святочная сказка». Часть текстов в первоначальной редакции включала определение «рассказ» («Старая дудка», «Последний эстетик», «Бабий грех», «Огни»), «предание» («Душа не принимает»). Некоторые тексты не получили жанрового определения («Темные люди», «Последние огоньки», «Страшные дни»). Напротив, многие

тексты были озаглавлены как «очерк» («В девятом часу», «Рай красный») или «эскиз» («Седьмая труба», «Душа проснулась»), что противоречит жанровому канону святочного рассказа.

В то же время писатель не включил в цикл рассказы, которые опубликовал ранее с подзаголовком, типичным для календарной литературы: «святочный рассказ»: «Кум. Святочный рассказ» (1888), «Сочельник. Рождественский рассказ» (1896). Это может указывать на то, что само понятие «святочный рассказ» переосмысляется автором. Дмитрий Мамин-Сибиряк пишет детские святочные рассказы для сборника «Зарницы. Второй сборник рассказов для старшего возраста».

Исследователи признают, что святочные рассказы Мамина-Сибиряка значительно отличаются от канона жанра. «Уже в первом святочном рассказе [Искорки] <…> можно отчетливо увидеть удачное сочетание традиций данного жанра и новаторства Мамина-Сибиряка, особенности его реалистической манеры письма».

Художественное время, в каноническом святочном рассказе привязанное к периоду Рождества и святок, в святочных рассказах Мамина-Сибиряка трансформируется. Лишь в одном рассказе («Отец на Новый год») действие происходит в рождественский сезон. Время ожидания Рождества сменяется у Мамина-Сибряка временем ожидания святого праздника Пасхи («Душа проснулась», «Рай красный»), праздника семейного (именины атамана в рассказе «Бабий грех») или какого-либо важного события (приезд внучки Маремьяны Ефимовны в рассказе «В девятом часу», дочери генерала Петлицына в «Последнем эстетике», появление поезда в «Огнях»), которое может произойти в любое время года.

К началу XX столетия вместе с общественно-политическими изменениями в стране происходит упадок жанра. Сама традиция Рождества постепенно упраздняется, и акцент в зимних праздниках смещается на Новый год, который, как по эстафете, принимает обычай наряжать елку, дарить подарки, верить в чудеса – и становится, в свою очередь, центральным сюжетом для целого ряда волшебных, теперь уже новогодних, произведений.

Список использованных источников

Слобожанинова, Лидия Михайловна. Д. Н. Мамин и П. П. Бажов. – Текст: электронный // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. История. Филология. Искусствоведение. Выпуск 5. – 2002. – № 24. – С. 86-97. – URL: https://elar. urfu. ru/bitstream/ 10995/24075/1/iurg-2002-24-08. pdf (дата обращения: 20. 01. 2022).

Слобожанинова, Лидия. Певцы Урала. – Текст: электронный // Урал. – 2002. - №11. – URL: https://magazines. gorky.media/ural/2002/11/pevczy-urala.html (дата обращения: 22.01.2022).

Слобожанинова Л. М. Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка с позиций гуманизма. – Текст : электронный // Филологический класс. – 2012. – №4(30). – URL: https://cyberleninka.ru /article/n/tvorchestvo-d-n-mamina-sibiryaka-s-pozitsiy-gumanizma/viewer (дата обращения: 22.01.2022).

Список использованных иллюстраций

Дистергефт М. В. В горном гнезде. Портрет писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное // НТМИИ : сайт. – Нижний Тагил, 2021-2022. – URL: http://artmnt.ru/artists.php?id=56#!prettyPhoto[54]/15/ (дата обращения: 21.01.2022).

50 лет с именем Д. Мамина-Сибиряка. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное// Нижний Тагил. Городской информационно-деловой портал. – Нижний Тагил, 2021-2022. – URL: http://www.moytagil.ru/e/3113129-50-let-s-imenem-d-mamina-sibiryaka (дата обращения: 21.01.2022).

В. А. Истомин. Портрет Д. Н. Мамина-Сибиряка. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное // Центральная детская библиотека им. Е.А. Благининой Свердловского района Орловской области : сайт. – Змиёвка, 2016-2022. – URL: https://blaginina.nethouse.ru/posts/v-den-rozhdeniia-pisatelia-sovetuem-chitateliu (дата обращения: 21.01.2022).

[Фотографии]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное // Ураловед : сайт. – Екатеринбург, 2011-2022. – URL: https://uraloved.ru/ludi-urala/mamin-sibiryak (дата обращения: 21.01.2022).

И. А. Бунин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, М. Горький, Н. Д. Телешов. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное// Заряд позитива. Изречения, цитаты и пословицы: сайт. – 2021-2022. – URL: https://zaryad-nn.ru/prazdniki/dmitrij-mamin-sibiryak.html (дата обращения: 21.01.2022).

Куприн Александр Иванович. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное // Великие люди: сайт. – 2022. – URL: http://kuprin.velchel.ru/?cnt=2 (дата обращения: 21.01.2022).

Илья Ефимович Репин. Запорожцы пишут письмо турецкому султану. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное // Advantour : сайт. – 2001-2022. – URL:

https://www.advantour.com/rus/russia/culture/painting/repin.htm (дата обращения: 21.01.2022).

Мария Живило. «Баймаган» Д.Н. Мамин-Сибиряк. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное // Behance : сайт. – 2021. – URL: https://www.behance.net /gallery/58157117/bajmagan-dn-mamin-sibirjak-Legends-illustrations (дата обращения: 21.01.2022).

Абзгильдин Абрек Амирович. Акмулла – народный поэт. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное // ArtLib.ru : библиотека изобразительных искусств. – 2005-2022. – URL: http://www.artlib.ru/index.php?id=11 &fp=2&uid=29761&iid=431125 (дата обращения: 21.01.2022).

Шушкина Софья, 15 лет, иллюстрация к сказке Волшебная лампа Алладина, разворот, преп. Кочетова Наталья, Россия, Лесной МБУДО ДШИ. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное // Детская школа искусств г. Лесной : сайт. – Лесной, 2020. – URL: https://dshi-lesnoy.ekb.muzkult.ru/news/57484037 (дата обращения: 21.01.2022).

Фёдоров, Сергей Геннадьевич. Охотник. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное // RealGallery: сайт. – 2021. – URL: https://realgallery.ru /painters/author/fedorov/picture/119347 (дата обращения: 21.01.2022).

Открытка «С Рождеством Христовым!». – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное // И помни, что судьба всегда на твоей стороне! : блог. – 2014. – URL: https://socker-zucchero.livejournal.com/133642.html (дата обращения: 21.01.2022).

Дайджест

ОПТИМИСТИЧНЫЙ ПИСАТЕЛЬ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Составитель: О.И. Калинина

Государственное бюджетное учреждение культуры
Свердловской области

«Свердловская областная межнациональная библиотека»

620146, г. Екатеринбург,

ул. Академика Бардина, 28

тел.: + 7 (343) 211-07-00

сайт: www.somb.ru

СОМБ
СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА